

**Космо-Психо-Логос Сибири в травелоге И.А. Гончарова
«Фрегат Паллада»**

В работе рассмотрено восприятие гончаровского образа Сибири в травелоге «Фрегат Паллада» в качестве восточной колонии Российской империи. Методологической базой исследования выступила концепция Г.Д. Гачева о национальных картинах мира, проявленная в трехаспектном авторском термине Космо-Психо-Логос, разработанным отечественным ученым в рамках культурологического и имагологического подходов.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; Фрегат «Паллада»; Сибирь; ориентализм; постколониализм; имагология, Г.Д. Гачев.

Травелог И.А. Гончарова «Фрегат Паллада» (1855–1856), описывающий кругосветное морское путешествие романиста с сухопутным возвращением в Санкт-Петербург через Сибирь, занял особое место в его творческом наследии, существенно выделяясь на фоне романов и малых жанровых форм как своей жанровой природой, так и содержанием. В кругосветной экспедиции в должности секретаря дипломатической миссии писатель наблюдал и вдумывался в экономические, политические, социальные и культурные стороны колонизаторской деятельности Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов, Испании, Голландии и других европейских империй на Востоке, а также Российской империи в Сибири. Спектр заявленных в травелоге тем и проблем разнообразен: писатель всматривался в посещенные страны и проживающих в них людей, осмысливал их жизненные уклады и этнические черты. В своем травелоге романист формирует собственный индивидуальный и многоаспектный образ Сибири как восточной колонии Российской империи.

Гончароведы до настоящего времени не сосредотачивали свое исследовательское внимание на рассмотрении целостного и многоаспектного образа Сибири в произведении. Так, Е.А. Краснощекова [4] и В.И. Мельник [5] писали об особенностях восприятия Сибири романистом, но их работы освещают в основном отдельные аспекты гончаровских представлений о сибирском пространстве. Исследователи С.С. Лим и Р.Д. Кларк [7], рассматривая образы Востока у Гончарова, сосредотачиваются на Китае, Японии, Корее, Сибирь же бегло анализируется в связи с писательским восприятием Японии, поскольку авторы как Сибирь, так и Японию причисляют к собственно российскому Востоку.

Современные постколониальные и ориенталистские исследования на первый план выдвигают проблему взаимоотношений имперского центра с окраинными регионами. С позиций основоположника современного постколониального дискурса Э. Саида [8] актуальным видится восприятие Российской империи как азиатской империи. Сибирь, по мнению Гончарова, выступает в роли собственного «чужого» российского Востока, изначально не являющегося исконно русским пространством и населенным лишь частично ассимилировавшимися коренными сибирскими этносами. Соответственно, такой подход обусловил актуальность предпринятого исследования – анализ гончаровского восприятия колонизации Сибири Российской империей. Материалом для исследования послужил текст «Фрегата Паллада». Цель работы – воссоздание авторского целостного и многоаспектного образа Сибири, воспринимаемой Гончаровым в качестве российской восточной колонии. Научная новизна работы напрямую связана с целью и заключается в применении имагологического и культурологического подхода в качестве методологической базы.

Перспективным направлением современной имагологии выступает изучение «воображаемого» пространства, воссозданного из опыта реального путешествия. Традиция осмыслять и создавать собственный индивидуальный образ посещенного географического пространства, наделяя его особыми характеристиками – неотъемлемое свойство творческого сознания авторов травелогов. С позиций Д.Н. Замятина, в художественном произведении реально существующее географическое пространство подвергается существенным качественным трансформациям: «<...> уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по собственным законам» [3].

Автор травелога помимо физического посещения чужого, незнакомого пространства, как правило, также духовно погружается в чужую национальную ментальность и бытовой уклад. С этих позиций эффективной для исследования чужих миров предстает культурологическая концепция отечественного литературоведа Г.Д. Гачева, разработанная в рамках экзистенциальной культурологии. По мнению культуролога: «Каждая национальная целостность: народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей» [1, с. 9], обозначенную ученым емким и содержательным понятием «Космо-Психо-Логос». Как очевидно из самой конструкции данного термина: он репрезентирует единство и взаимосвязь трех базовых составляющих каждого этноса: «Космо» – природный мир, «Психо» – душа народа, национальный характер, «Логос» – дух, язык и логика, и именно такой совокупный анализ географических и климатических условий, местной природы, менталитета и национального

характера народа, его языка и склада мышления может помочь автору литературного путешествия создать полноценный и завершённый образ «другой» нации.

В русском общественном сознании Сибирь для населения европейской части России в первой половине XIX столетия представляла неизвестным, чужим пространством; указанный период характеризуется фактическим отсутствием точной информации о данном регионе, и как следствие указанного процесса возникали различные индивидуальные далекие от реальности, часто вымышленные репрезентации и имагологические образы края.

В индивидуальном гончаровском восприятии Сибирь предстает в травелогe чужим экзотическим восточным пространством, восточной колонией Российской империи. При этом важно, что Гончаров, в отличие от Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева и др., воспринимает сибирское пространство абсолютно вне каторжной и ссыльной парадигмы. Размышляя о причинах, побудивших русских переселяться в Сибирь, романист дипломатично упоминает об их неких «проступках», непременно добавляя: «Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна <...>» [2, с. 642].

Лейтмотивом Космоса Сибири в гончаровском травелогe выступают обширные, необъятные и пустынные пространства в совокупности с холодным, суровым климатом. Сибирская погода у романиста холодная и ветреная. Природа Сибири определяется следующими прилагательными: «мертвая» [2, с. 56], «ледяная» [2, с. 56]. Также Сибирь неоднократно характеризуется как «ледяная пустыня» [2, с. 59].

При описании бескрайних, необозримых, обширных сибирских пространств романист указывает на их пустынность и необитаемость, гончаровская Сибирь совершенно не заселена: «Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» [2, с. 641]. Ощущение пустынности края подчёркивают писательские наблюдения за птицами: они находятся в Сибири только временно, «мимолетом» [2, с. 644].

Характеризуя Сибирь, Гончаров часто использует следующие эпитеты: «унылый», «пустынный», «глухой», «скучный»: «Пустыни, пустыни и пустыни <...> скучные и унылые» [2, с. 642]. Излюбленный авторский прием лексического повтора (троекратное повторение слова «пустыня») усиливает ощущение пустынности и обширности сибирского края.

Изображённое романистом Психе Сибири по большей части построено на контрастах «ледяного» климата и «теплых», душевных, открытых сибиряков. К русским переселенцам-сибирякам Гончаров испытывает искреннюю симпатию и изображает их трудолюбивыми, выносливыми, неприхотливыми людьми, которые благодаря своим лучшим качествам

и чертам характера выживают в суровых сибирских условиях. Например, один из героев травелога Петр Маньков: «На Батанге живет очень смышленный старик, Петр Маньков, с женой, в хижине. Всё это переселенцы. Они стараются прививать хлебопашество, но мало средств, и земля не везде удобна» [2, с. 649]. Как отмечает автор, русские переселенцы в Сибири собственным примером демонстрируют положительную модель существования коренным сибирским этносам, перенимающих от них хлебопашество, земледелие, осознание необходимости усердной работы. Посещая жилища сибиряков, проявляя к ним искреннюю симпатию и участие к их бедам и проблемам, романист демонстрирует неподдельный гуманизм к этим людям.

Автор отмечает главную социально-политическую характеристику Психи Сибири, отсутствующую в Психе европейской России: в сибирском крае никогда не существовало системы крепостного права и взаимоотношений подневольного крепостного и господина-помещика. Этим, по мнению романиста, объясняется волевой дух русских переселенцев и их духовная свобода.

В эстетических взглядах писателя гончароведы прослеживают влияние просветительских и гуманистических идей эпохи Возрождения [4, 5, 6]. Данной исследовательской установкой определено гуманное отношение Гончарова к человеку в принципе, безотносительно его этнической или социальной принадлежности. По справедливому утверждению В.А. Михельсона, Гончаров «<...> измеряет все, что он видит, мериллом гуманиста, и на этой основе строит свои выводы» [6, с. 94]. Для писателя представители «диких» коренных народов Сибири выступают людьми, хотя и находящимися в возрастном «младенчестве» [4]. Таково, например, авторское впечатление от коренных этносов, населяющих побережье Татарского пролива: «Мимо фрегата редко и робко скользят в байдарках полудикие туземцы» [2, с. 626].

Низкий уровень цивилизованности коренных сибирских народов наталкивает романиста на регулярные сравнения последних с представителями сибирской фауны: «Тут <...> дикари всех родов, звери, начиная от черных и белых медведей до клопов и блох включительно» [2, с. 633]; «<...> по дороге нигде нет ни волков, ни медведей, а есть только якуты <...>» [2, с. 668].

Характерной социально-этнической особенностью Психи Сибири, с точки зрения Гончарова, выступает наличие многочисленных этносов и смешение различных наций и сословий: «<...> здесь смесь в народе. Жители по Лене состоят и из крестьян, и из сосланных на поселение из разных наций и сословий; между ними есть и жида, и поляки, есть и из якутов» [2, с. 703]. Данный принцип «смеси» различных этносов и социальных

групп лег в основу взглядов романиста на колонизаторскую деятельность Российской империи в Сибири. Необходимо отметить, что российская колонизация края в представлении писателя выступает преимущественно цивилизаторской деятельностью русских по отношению к коренным сибирским этносам.

Изображение якутского общества представляет один из многочисленных авторских примеров сибирского положительного Психо: оно видится несколько идеализированным, тем не менее, в целом соответствует писательскому восприятию Сибири как идиллического пространства человеческих взаимоотношений: «Обычай здесь патриархальные <...> живут все в больших ладах <...> я нашел много живости и разговоров на обедах; недоверия не заметил <...> общество <...> в Якутске <...> порядочное» [2, с. 679–680]. В понимании автора, главным отличием повседневной жизни горожан от бездеятельности и лени в русской глубинке выступает именно постоянная созидательная деятельность: «<...> жизнь их не неподвижная, не сонная, <...> она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; <...> в сумме здешней деятельности таится масса подвигов <...>» [2, с. 685–686].

Представляется, что помимо гуманистических мировоззренческих установок писателя сибирское Психо в тревелогe обусловлено также его официальным положением государственного служащего: секретаря руководителя русской делегации в Японию адмирала Е.В. Путятинa. Официальной целью экспедиции «Паллады» являлось налаживание политических и торговых отношений с Японией на фоне геополитической конкуренции России и Британии и раздела сфер влияния в таких регионах, как Балканский полуостров, Ближний Восток, Средняя Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион. Вероятно, что Гончаров с позиции чиновника-государственника намеренно представляет Сибирь в роли идеального и гармоничного пространства российской восточной колонии в противоположность изображенной им антигуманной и иногда жестокой английской колонизации азиатских и африканских колоний.

Гуманная колонизация Сибири русскими приводит к положительным результатам: романист наблюдает многочисленные сцены и картины экономического, социального и культурного равенства русских переселенцев и представителей коренных сибирских народов (к примеру, совместное проживание, трудовая деятельность, досуг русских сибиряков и якутов, тунгусов, чукчей). При этом необходимо отметить, что наиболее наглядно такое складывающееся социальное единство проявлено в сибирском Логосе.

При описании Логоса Сибири романист указывает на билингвизм подавляющего большинства населения: на местах русская администрация,

миссионеры, переселенцы и представители коренных этносов, как правило, владеют одновременно русским языком и языками коренных народов Сибири (якутским, алеутским, тунгусским). Русские купцы, должностные лица, миссионеры чаще общаются с представителями коренных этносов Сибири на их родном языке; романист утверждает: «все духовные лица здесь знают якутский язык» [2, с. 688]; на туземные языки переводится религиозная литература и административные документы.

По свидетельствам русских этнографов, на восточных окраинах Российской империи они нередко встречали русских по происхождению людей, сильно ассимилированных коренными жителями данных территорий. Характерно, что по большей части подобные «обынородившиеся» русские переселенцы проживали на сибирском Севере. Данный процесс включал в себя усвоенную от местного населения языковую и культурную идентичность: приверженность языческим обрядам, местные традиции и обычаи, культурные особенности, традиционная местная кухня, одежда, прическа и пр. Данный феномен, с точки зрения этнографов, был обусловлен смешанными браками, суровым климатом, географической отдаленностью государственных окраин от имперского центра. Утрата родного языка переселившимися в северную часть Сибири русскими, в понимании этнографов XIX века (когда язык непосредственно отождествлялся с национальной идентичностью), выступила одним из наиболее весомых доказательств подобной ассимиляции.

В произведении романистом приводится множество услышанных им в поездке по Сибири диалектных слов и выражений, обозначающих чуждые читателю сибирские реалии и локальный колорит: сохатый (лось), черемша (дикий чеснок), нарты (сани), сары (якутские сапоги из конской кожи), исправный (богатый), ушкан (заяц), азойно (тяжело), ураса (юрта), кислица (смородина), кухлянка (меховая рубашка), торбасы (сапоги), чижы (чулки), хиус (холодный зимний ветер), поварня (нежилая изба или юрта для ночлега охотников), обнатуренный (привыкший, приспособившийся к новому месту), чувал (пристенный очаг с нависающим дымоходом), станок (станция) и др. В сибирских диалектизмах автор наблюдает своеобразную смесь русского и якутского языков: «<...> в телеге, или скате, как ее называют здесь и русские, и якуты, не знаю только, на каком языке» [2, с. 658]. Приведенные в травелогe просторечные варианты слов русского языка в Сибири указывают также на социальные характеристики произносящих их персонажей: к примеру, Гончаров слышит на станции, как ямщик называет резиденцию золотоискателей «разведенцией» [2, с. 706].

В целом романист отмечает, что русский язык, носителями которого являются сибирские переселенцы, претерпевает многочисленные фонетические и грамматические трансформации (множество диалектизмов,

неправильные грамматические формы) и становится не похожим на привычный для образованного автора русский язык.

Писатель по-доброму иронично изображает фонетические особенности языков коренных сибирских этносов: якутского, тунгусского и колошенского. «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы!» [2, с. 690]. Помимо этого, в травелоге даны речевые характеристики коренных народов Сибири при использовании ими русского языка: например, проводник-якут «пренежно» произносит слово «пешком» на свой манер – «пешкьюем» [2, с. 656].

В тексте травелога романист приводит фразы из якутского языка, которые он использует в беседе с проводниками-якутами: «<...> сделаешь заученный по-якутски вопрос: «Кась бироста ям?» («Сколько верст до станции?»). Он <...> или «гра-гра» ответит («далеко»), или «чугес» («скоро, тотчас») <...>» [2, Т. 2. с. 645]. В данном примере показательно желание автора беседовать с якутами на их родном языке, а также отмечать характерные черты языков коренных сибирских народов.

Таким образом, образ Сибири во «Фрегате Паллада» задается у Гончарова ориенталистской и колониальной проблематикой, обусловленной общей концепцией кругосветного плавания романиста. Гончаровская Сибирь, описанная в разных аспектах, в травелоге предстает в качестве целостного, завершенного образа чужого познаваемого пространства и выступает в роли восточной колонии Российской империи.

Главные черты Космоса Сибири – протяженные незаселенные территории и суровый, холодный климат. Противопоставленное суровому и холодному сибирскому Космосу Психо Сибири, демонстрирующее гармоничное мирное сосуществование русских переселенцев и коренных сибирских народов, видится Гончарову душевным и теплым, демонстрирующим идиллически-положительный вариант колониальных взаимоотношений колонизаторов и колонизируемых: не доминирование и подавляющая роль русского элемента, а гармоничные взаимоотношения с колонизируемыми этносами. Эта особенность русской колонизации Сибири наглядно проявлена в сибирском Логосе, который видится романисту конструктивным и живым диалогом русского языка и языков коренных этносов Сибири.

Литература

1. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 480 с.

2. Гончаров, И.А. Полное собрание сочинений и писем : [в 20 томах] / И.А. Гончаров. – Санкт-Петербург : Наука, 1997–2017. – 1997. – Т. 2. – 746 с. ; 2000. – Т. 3. – 846 с.
3. Замятин, Д.Н. Феноменология географических образов / Д.Н. Замятин // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 6 (46). – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html> (дата обращения: 22.09.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный
4. Краснощекова, Е.А. И.А. Гончаров : Мир творчества / Е.А. Краснощекова. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1997. – 496 с.
5. Мельник, В.И. Гончаров / В.И. Мельник. – Москва : Вече, 2012. – 430 с.
6. Михельсон, В.А. Гуманизм И.А. Гончарова и колониальный вопрос / В.А. Михельсон. – Краснодар : [б. и.], 1965. – 282 с.
7. Lim, S.S. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East / S.S. Lim, R.D. Clark // The Slavic and East European Journal. – 2009. – Vol. 53. No. 1. – P. 19–39.
8. Said, E.W. Power, politics and culture : interviews with Edward W. Said / E.W. Said ; ed. G. Viswanathan. – New York : Random House ; Vintage Books, 2002. – 485 p.

Науч. рук.: Новикова Е.Г., д-р филол. н., проф.

В.В. Кучер

Алтайский государственный педагогический университет

Аудиальная составляющая полимодального перцептивного образа в англоязычном художественном тексте

Исследование посвящено анализу языковых средств и средств языковой выразительности, участвующих в создании аудиального перцептивного образа в англоязычном художественном тексте. Рассматриваются средства первичного и вторичного звуко-символизма, стилистический эффект их использования, текстообразующая и смыслообразующая функции фоно-стилистических средств в художественном тексте.

Ключевые слова: перцептивный строй текста; аудиальная перцепция; звуковой символизм; онома-топия; аллитерация.

Аудиальная модальность восприятия является одним из ведущих каналов познания мира и, наряду с визуальной модальностью, участвует в формировании целостного полимодального перцептивного образа. В связи с вышесказанным новизна исследования представляется в изучении